

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СМАРТ-КОНТРАКТА

Богоненко В. А.

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права, учреждение образования
«Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой»,
ул. Мирная, 4а-1, 211440 Новополоцк, Беларусь,
v.bogonenko@psu.by*

Аннотация. Рассматривается правовая природа смарт-контракта и определяется его место в системе сделок. Внимание уделяется также источникам правового регулирования в сфере использования смарт-контрактов. Целью исследования является правовая идентификация смарт-контракта на основе классификационных оснований и рассмотрение проблем, связанных с использованием данной гражданско-договорной формы.

Ключевые слова: блокчейн; законодательство; договор; смарт-контракт; сделка; цифровые права; цифровизация; программный код.

LEGAL NATURE OF SMART CONTRACT

Bogonenko V.

*PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Civil Law, Faculty of Law,
Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk,
Mirnaja Ave., 4a-1, 211440 Novopolotsk, Belarus,
v.bogonenko@psu.by*

Abstract. The legal nature of a smart contract is considered and its place in the system of transactions is determined. Attention is also paid to the sources of legal regulation in the field of use of smart contracts. The purpose of the study is the legal identification of a smart contract based on classification grounds and consideration of problems associated with using of this civil contract form.

Keywords: blockchain; legislation; contract; smart contract; deal; digital rights; digitalization; program code.

Цифровизация в сфере финансовых услуг и расчетов приводит к необходимости переосмысления традиционных взглядов, касающихся системы гражданско-правовых договоров. Устанавливается правопорядок переходного типа. Его доктринальное осмысление,

по сути, представляет собой известный компромисс между классическими постулатами и реальностью сформировавшегося законодательства и правоприменительной практики [1, с. 43].

В условиях цифровизации экономики, в том числе имущественных отношений, возникает необходимость пересмотра традиционных взглядов на многие институты гражданского права. Среди них, например, такой институт, как объекты гражданских прав [2, с. 56]. В контексте договорного права неизбежно приходится затрагивать и тему, касающуюся вещей, в том числе денег и ценных бумаг.

Применительно к рассматриваемому вопросу обращает на себя внимание принятая в гражданском праве система гражданско-правовых договоров, так как посредством договора обеспечивается гражданско-правовой оборот товаров, работ, услуг. Тема договорного права приобретает новое звучание в связи с цифровизацией, воздействующей на область гражданско-правовых отношений. Необходима правовая оценка сложных с точки зрения гражданского права явлений, которые внедряются в правовую материю и нуждаются в правовой характеристике. Примечательно, что параллельно анонсируются и проблемы, касающиеся ключевых правовых понятий, в частности, таких, как права и обязанности участников гражданских правоотношений.

Характерно, что применительно к практике субъектов хозяйствования Республики Беларусь опыт использования новых гражданско-договорных форм, зависимых от сети Интернет и информационно-компьютерных технологий, еще крайне незначительный. В большинстве случаев используются традиционные или классические гражданско-договорные формы, которые имеют большую апробацию и хорошо знакомы специалистам. Кроме того, фактором, сдерживающим широкое распространение новейших гражданско-договорных форм и способов заключения и исполнения договоров, является недостаточность норм права, регулирующих отношения, связанные с договорной практикой, касающейся сети Интернет. Анонсируется научная задача по исследованию сделок в цифровой среде, определению требований к порядку заключения сделок с помощью электронных средств: требования к форме такой сделки и к волеизъявлению ее стороны (сторон), в том числе способы подтвердить факт заключения сделки конкретным лицом.

В цивилистической науке устоялось понимание сделки как правомерного (т. е. разрешенного позитивным правом) волевого действия, направленного на достижение юридических последствий, под которыми понимаются установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей [3, с. 75].

В качестве сопряженного с договорным правом явления выступают денежные обязательства хотя бы потому, что они сопровождаются любой возмездный договор [4, с. 33]. Кроме того, современные представления о правах субъектов того или иного договора неизбежно затрагивают и тематику цифровых прав. Так, в ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации было закреплено понятие цифровых прав. «Цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу» (введена Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ). Позиция законодателя не получила единодушную поддержку среди ученых и практиков в дискуссии о правовой сущности цифровых прав. В экспертном заключении по проекту Федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» было отмечено: «...проект необоснованно сужает понятие «цифрового права», связывая его существование только с распределенным реестром. Принятый проектом подход нарушает принцип технологической нейтральности, дискриминируя все другие технологии, способные оформлять права в электронном виде» [5].

В работах, касающихся проблем цифровизации, отмечается, что в России большей частью договоры заключаются в бумажном виде, в то время как часть бизнесменов настаивают на правильности своего выбора в пользу смарт-контрактов: не только модного и технологичного, но, в первую очередь, быстрого, безопасного и конфиденциального инструмента ведения бизнеса. Иными словами, использование искусственного интеллекта нашло применение

в виде смарт-контрактов [6, с. 21]. Поддерживается мнение, что правильно различать новые объекты гражданских прав и способы закрепления прав на эти объекты. С технологической точки зрения токен – это один из миниатюрных блоков в системе блокчейн, который может использоваться для закрепления различных прав в рамках этой системы [7]. Отмечено, что термин «цифровые права» (digital rights) также имеет достаточно устоявшееся понимание в зарубежных источниках, однако относится не к криптоактивам, а характеризует права человека в цифровом пространстве [8].

Интересно, что само происхождение термина «смарт-контракт» находится за пределами права и принадлежит программированию и в целом области информационно-компьютерных технологий. Автор концепции смарт-контрактов – американский криптограф Ник Сабо (Nick Szabo). В работе «Smart Contracts: Building Blocks for Digital Markets» (1996) он определил смарт-контракт как компьютерный протокол, который самостоятельно проводит сделки и контролирует их исполнение с помощью математических алгоритмов. На практике идея смарт-контрактов была реализована с появлением блокчейн-технологий [9, с. 12].

В национальных законодательствах в последнее время все чаще закрепляется понятие смарт-контракта. Смарт-контракт – программный код, предназначенный для функционирования в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе в целях автоматизированного совершения и (или) исполнения сделок либо совершения иных юридически значимых действий (п. 9 Приложения 1 к Декрету Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики»).

Среди юридически значимых признаков смарт-контракта – программный код, реестр блоков транзакций (блокчейн), наличие цели, а именно: автоматизированное совершение или исполнение сделок либо совершение иных юридически значимых действий. Характерно, что все важнейшие признаки смарт-контракта происходят из сферы информационно-компьютерных технологий и, следовательно, можно говорить о самодостаточности этих признаков для целей правовой идентификации смарт-контракта.

Актуальным становится и вопрос об источниках правового регулирования отношений с использованием смарт-контрактов.

Их можно разделить на две группы: национальное законодательство и международные акты. Возможно различие нормативных правовых актов, нормы которых направлены на регулирование отношений в сфере использования информационно-компьютерных технологий и смежных с ними областях, а с другой стороны, следует говорить о специальном законодательстве, нормы которого регулируют отношения гражданско-правового характера в контексте таких явлений, как цифровые права и смарт-контракт. В Гражданском кодексе Республики Беларусь ст. 128 содержит традиционный перечень объектов гражданских прав и нет указания на цифровые права, а нормы, регулирующие отношения, связанные с цифровизацией, содержатся в специальных нормативных правовых актах, прежде всего в Декрете Президента Республики Беларусь «О развитии цифровой экономики» от 21 декабря 2017 г. № 8. Так, в п. 2 данного Декрета содержится понятие токена. В Гражданском кодексе Республики Беларусь не было осуществлено структурирование норм на уровне отдельных глав или разделов, направленных на регулирование отношений, связанных с цифровизацией. Правовое регулирование отношений цифровизации и иных связанных с ними отношений обеспечивается как общими, так и специальными нормами гражданского законодательства.

В доктрине встречаются различные мнения относительно того, насколько применимы к смарт-контракту общие положения, касающиеся института сделки в гражданском праве, гражданско-правового договора, обязательств.

Предлагаются следующие характеристики смарт-контракта:

1. Смарт-контракт – это особая форма гражданско-правового договора.
2. Смарт-контракт – это способ автоматизации совершения сделки, исполнения договора.
3. Смарт-контракт – это компьютерная программа, связанная с исполнением обязательств.

Отмечается, что главная ценность смарт-контрактов – сделать обязательство самоисполняемым, снизить зависимость от воли и настроения контрагента – оставить ему меньше шансов не заплатить, скрыть важные факты, пропустить срок. Поскольку в основе смарт-контрактов программный код, его положения нельзя интер-

претировать двойко. Смарт-контракт освобождает человека от технических функций при исполнении обязательств по сделкам [9, с. 17].

Важно, что заключение хозяйственного договора, его элементы, содержание и ответственность при использовании смарт-контрактов зависят от качества программы (кода). Кроме того, возникают вопросы, касающиеся исполнения договорного обязательства. Например, всегда ли возможно использование смарт-контракта? Как функция автоматического списания денежных средств со счетов плательщика (покупателя) соотносится с условиями договора банковского счета и функциями банковского контроля? Каковы последствия того, что товар доставлен ненадлежащему получателю? Каким образом и будет ли учитывать программа (код) смену правообладателя в договорах, например, в договоре франчайзинга? Возможно ли, и если да, то каким образом внести изменения в условия смарт-контракта? Каковы правовые последствия сбоя и неполадок в программном обеспечении и в других элементах системы, обеспечивающих заключение и исполнение смарт-контрактов?

Малоисследованной остается тематика, относящаяся к содержанию смарт-контракта как гражданского правоотношения. В частности, обращается внимание на особенности действий субъектов права, в привязке к волеизъявлению и правовой науке. В частности, отмечается, что для возникновения прав и обязанностей по смарт-контракту, как и по любому другому договору, необходимо достичь соглашения, которое выражается в совпадающем волеизъявлении сторон. При этом необходимо отметить, что так как смарт-контракт является договором между отсутствующими сторонами, его заключение регулируется особыми нормами права. На практике в смарт-контрактах оферта представляет собой веб-страницу, которая содержит предложение заключить договор со ссылкой на программный код, подписанный закрытым ключом оферента и размещенный в распределенном реестре. Таким образом, веб-страница является определенной и полной, в том числе, содержит существенные условия договора, и может считаться офертой [10, с. 29]. В данном случае можно говорить о том, что с точки зрения привычных канонов договорного права такие традиционные юридические составляющие, как предложение заключить договор и принятие этого предложения, соответственно,

оферта и акцепт, формализуются, сохраняя свою правовую сущность и предназначение посредством нового способа выражения, основой которого являются информационно-компьютерные технологии. Однако при этом необходимо помнить, что предложение, признаваемое офертой, должно отвечать определенным требованиям, а именно: должно быть достаточно определенным и выражать явное намерение лица заключить договор; должно содержать все существенные условия договора (ст. 405 ГК; ст. 435 ГК РФ).

Говоря о смарт-контракте применительно к форме и условиям гражданско-правового договора как юридического документа, следует учитывать отклонение от привычных представлений и требований, содержащихся в Гражданском кодексе. Гражданско-правовой договор пишется на юридическом языке, называется конкретный документ, определяются стороны договора, формируется предмет договора, согласовываются права и обязанности сторон, предусматривается ответственность сторон за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по договору и т. д. Что касается смарт-контракта, то при написании их чаще всего используют язык Solidity, который похож на JavaScript. В первой строчке указывается язык и его версия. Смарт-контракту дается название. Вводятся данные участников договора. Указывается адрес того, кто выполняет контракт в данный момент, и того, кто вызвал функцию. Далее приводится функция, при условии выполнения которой покупателю перечислят деньги [11, с. 13].

В диссертации Е. В. Зайнутдиновой предлагается вывод, с помощью которого предпринимается попытка приблизиться к ответам на многие вопросы о смарт-контракте. Автор считает, что смарт-контракт следует воспринимать как специальную договорную конструкцию [12, с. 68]. Представляется, что подобная позиция достаточно уязвима, поскольку, во-первых, с точки зрения классификации договоров в гражданском праве, здесь очевидно абстрагирование без учета видовой принадлежности исходя из предмета договора, т. е. смарт-контракт применим ко многим отношениям. Это может быть поставка, аренда, франчайзинг, хранение и т. д. Поэтому правильной выглядит позиция, согласно которой смарт-контракт – это новый способ заключения и исполнения гражданско-правовых договоров.

По мере развития информационных технологий правовые конструкции меняются, поскольку преобразуются регулируемые общественные отношения. Тем не менее, возникает вопрос о том, действительно ли информатизация или цифровизация преобразует общественные отношения. При глубоком осмыслении можно прийти к выводу о том, что сущность отношений остается, тем не менее неизменной, изменяются формы их существования или осуществления [13, с. 7].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Смарт контракт – это форма совершения сделок, которая не может ставить под сомнение классические признаки сделки, договора, обязательства.

2. Заключение и исполнение смарт-контрактов зависит от качества программного обеспечения и его поддержки.

3. Само по себе заключение смарт-контракта не означает, что будет отсутствовать необходимость в совершении сторонами юридически значимых действий. В зависимости от конкретной гражданско-договорной формы может быть потребность в совершении действий, относящихся к различным областям, например к сфере аффилированных лиц или в отношениях, затрагивающих правовой статус сторон, например, в договоре франчайзинга.

4. Представляется целесообразным разработку и принятие специального закона, нормы которого регулировали бы отношения в сфере использования смарт-контракта.

5. Гражданский кодекс необходимо дополнить нормами, касающимися формы сделок, когда сделки заключаются и исполняются с использованием информационно-компьютерных технологий.

Список использованных источников

1. *Суханов, Е. А.* Вещное право: научно-познавательный очерк / Е. А. Суханов. – М. : Статут, 2017. – 560 с.

2. *Богоненко, В. А.* Цифровые права в системе объектов гражданских прав (прелиминарные положения) / В. А. Богоненко // Теоретико-прикладные аспекты развития гражданского законодательства Республики Беларусь под влиянием цифровизации : сб. науч. ст. / Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь ; под ред. О. А. Бакинской, М. В. Мещановой. – Минск : Колоград, 2022. – 399 с.

3. Теоретико-прикладные аспекты развития гражданского законодательства Республики Беларусь под влиянием цифровизации / Ю. А. Амельчя [и др.] ; под ред. О. А. Бакиновской. – Минск : Колорград, 2021. – 400 с.

4. *Ефимова, Л. Г.* Совершенствование теории денежных обязательств в эпоху цифровой экономики / Л. Г. Ефимова // *Право и цифровая экономика*. – 2022. – № 3(17). – С. 33–42.

5. Экспертное заключение по проекту федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] : принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 17 янв. 2019 г. № 183-1/2019. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PR;n=181511#0gpNwETWaBFm5H4o>. – Дата доступа: 19.08.2022.

6. Применение методов искусственного интеллекта в юриспруденции : учеб.-метод. пособие / А. А. Оводенко [и др.]. – СПб.: ГУАП, 2022. – 74 с.

7. *Конобеевская, И. М.* Цифровые права как новый объект гражданских прав / И. М. Конобеевская // *Известия Саратов. ун-та. Сер. Экономика. Управление. Право*. – 2019. – Т. 19, вып. 3. – С. 330–334.

8. *Санникова, Л. В.* Правовая сущность новых цифровых активов / Л. В. Санникова, Ю. С. Харитоновна // *Закон*. – 2018. – № 9. – С. 86–89.

9. *Вашкевич, А. М.* Смарт-контракты: что, зачем и как / А. М. Вашкевич. – М. : Симплоер, 2018 - 89 с.

10. *Лукоянов, Н. В.* Правовые аспекты заключения, изменения и прекращения смарт-контрактов / Н. В. Лукоянов // *Юридические исследования*. – 2018. – № 11. – С. 28–35.

11. *Жуков, К. А.* Смарт-контракт в Республике Беларусь [Электронный ресурс] / К. А. Жуков, А. И. Мартынюк. – Режим доступа: <http://elib.mitso.by/bitstream/edoc/642/1/12-15.pdf>. – Дата доступа: 07.02.2024.

12. *Зайнутдинова, Е. В.* Смарт-контракт в гражданском праве [Электронный ресурс] / Е. В. Зайнутдинова. – Режим доступа: https://research.sfu-kras.ru/sites/research.sfu-kras.ru/files/DissertaciyaZaynutdinova_E.V.pdf. – Дата доступа: 10.12.2022.

13. *Амельчя, Ю. А.* Некоторые аспекты смарт-контракта в законодательстве Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Ю. А. Амельчя. – Режим доступа: https://elib.institutemvd.by/bitstream/MVD_NAM/4466/1/amelchenya.pdf. – Дата доступа: 07.02.2024.